

Е. А. Вишленкова

РЕЦЕНЗИРОВАНИЕ КАК МЕХАНИЗМ САМОРЕГУЛИРОВАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПРОФЕССИИ В РОССИИ 1830–1840-х ГОДОВ¹

В XVIII в. историки обнаруживают деятельность довольно аморфной группы медицинских чиновников, а уже во второй половине XIX века исследователи фиксируют активное участие медицинской профессии в осуществлении социального контроля и феномен медиализации политического дискурса. Между этими исследовательскими полями остался временной зазор первой половины XIX века, в котором, по всей видимости, происходила трансформация врачебного сословия в профессию. Данная статья посвящена выявлению одного из механизмов этого процесса – оцениванию знаний соискателей звания штаб-лекаря и доктора медицины. На основе аттестационных дел из архивов Московского и Казанского университетов прослеживаются рождение и эволюция жанра диссертационной рецензии, а также история конвенций относительно объема и характера знаний ученого врача. Выявление форм участия в этом министерских чиновников позволяет судить о том, как заключалось регулятивное соглашение между государством и профессиональной элитой, как происходило складывание в России государственности нового типа – современного социального государства.

Ключевые слова: *Российская империя, университет, ученые степени, медицинская профессия, история науки, история образования.*

Исследовательская перспектива

В интеллектуальных сообществах, производящих и транслирующих знания, самооценивание (т.е. академическая экспертиза) служит механизмом признания, удержания норм и дисциплинирования. Характер такой процедуры зависит не только от управленческих решений, но и от сложившихся обычаев внутри научной среды. В длительной ретроспективе академическая экспертиза нередко представляется деятельностью сменяющих друг друга контрольно-оценочных инстанций и цепочкой принятых административных решений. Но привычка историков интерпретировать развитие аттестации как последовательное наступление государства на автономию ученых сообществ явно ограничивает исследовательскую оптику². Процедура экспертизы могла использоваться в этом качестве, однако изучение профессорской

¹ Данное научное исследование № 14-01-0041 выполнено при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2014/2015 гг.

² Иванов 1994; Якушев 1998; Университет в Российской империи... С. 326–388.

культуры убеждает в том, что интеллектуалы не были страдательными объектами министерских решений и практически всегда участвовали в их разработке и совершенствовании.

Другое дело, что используемая в университетских речах и текстах риторика способна ввести исследователей в заблуждение. При их чтении создается иллюзорное ощущение, что ученые сообщества договаривались о принципах самооценивания, руководствуясь исключительно логикой развития «своих» дисциплин, представлениями об уровнях национальной и мировой науки, благе человечества. Однако стоит только пристальнее всмотреться в действия ученых советов и их отдельных членов, как процесс аттестации предстаёт столкновением интересов. Довольно часто ученым не удавалось договориться о четких критериях научности и эффективности. И тогда для того, чтобы придать собственным решениям статус окончательных, академики прибегали к властным ресурсам, а значит передавали экспертизу в руки власть предержащих.

В этой связи я предполагаю, что более релевантным может оказаться подход к изучению академической экспертизы как к истории соглашений, которые вырабатывались, нарушались и перезаключались в определенных исторических контекстах. Действующие «здесь и сейчас» конвенции охватывали различные виды дисциплинарных испытаний, практику рецензирования, обсуждение оценочных категорий для финансовой поддержки, а также репутационные аспекты, т.е. нормы профессиональных отношений. Поэтому помимо политических аспектов проведение экспертизы напрямую связано с уровнем профессионализации конкретного сообщества и институционализации данного типа знания. Это обстоятельство объясняет, почему в одних дисциплинах и академических культурах качественная оценка исследований осуществляется по формализованным признакам, а в других – подразумевает доверие к мнению эксперта, опирается на репутацию.

Гипотезы

Объектом изучения служит область медицинских наук, вернее история становления академической экспертизы медицинских исследований. Практика присуждения ученых степеней врачам и соответственно академическая аттестация их знаний, умений и наблюдений появилась в России в середине XVIII века. Тогда она была направлена на решение задачи сформировать слой особых государственных служащих – «медицинских чиновников» или «медицинских чинов»³. Для этого исполь-

³ Подробнее об этом см: Renner 2010.

зовались разные административные ресурсы, в том числе заимствованные из иной культурной среды. Этим объясняется тот факт, что сначала Медицинской канцелярии, а затем ее преемнице Медицинской коллегии было поручено проводить аттестацию поступающих на русскую службу иностранных и российских лекарей и ранжировать их посредством ученых званий⁴. Вследствие такого решения оценивание, проводимое (например, в Британии и Австрии) врачебными корпорациями, в России оказалось в руках бюрократической структуры, а ученая степень стала средством организации государственной медицинской службы.

Делегировать функцию оценивания самому врачебному сословию правительство начало на рубеже веков, после учреждения высших медицинских школ. В 1791 г. такие полномочия обрел Московский университет⁵, а в 1798 г. Коллегия распространила подобное право на вновь учрежденные Московскую и Петербургскую медико-хирургические академии⁶. По уставу 1804 г. врачебные отделения вновь открытых университетов также получили право присуждать ученые степени. Правительство обязывалось поддерживать их престиж чинами, пенсиями и жалованиями⁷.

За первые десятилетия XIX века процедура научной аттестации врачей обрела в России организационные особенности, отразившие особую заинтересованность политической власти в реализации социального контроля посредством медиков. Российские лекари (служащие во врачебных управах и полковых госпиталях) занимались не только избавлением пациентов от «недугов», но и «разбором рекрутов и фурусов» (абитуриентов), описанием природных и человеческих ресурсов присоединенных к империи территорий, контролем над аптеками, публичными домами, рынками кормилиц и пищевых продуктов, анализом питьевой воды и минеральных источников, судебной экспертизой. Широкое участие получивших западные знания специалистов в социальной политике способствовало обретению врачебным сообществом исключительных прав от правительственных ведомств. Например, как выяснилось, во всех «науках» ученые степени, выданные профессорскими советами, утверждало (или не утверждало) Ми-

⁴ Указ 9 июня 1764 года «О произвождении кандидатов, обучившихся медицине, в доктора сего факультета, по собственным Медицинской коллегии экзаменам.

⁵ Указ 29 сентября 1791 год «О предоставлении Московскому университету права давать докторскую степень обучившимся в оном врачебной науке».

⁶ Михневич 2004. С. 102.

⁷ Об устройстве училищ, 24 января 1803 г.

нистерство народного просвещения, и только в медицинских науках мнение профессорского совета признавалось окончательным⁸.

Данная ситуация может свидетельствовать в пользу оформления так называемого «регулятивного соглашения»⁹ между государством и довольно значительным в 1830–40-е гг. врачебным сословием¹⁰. Подтверждением этому служат предупреждения правительственных чиновников против вмешательства посторонних лиц в дела медиков. В ситуациях, когда местные администраторы или председатели дворянских собраний протаскивали «своих» людей во врачебные управы, столичные сановники защищали лекарей от такой интервенции. «Правильное суждение о способностях и познаниях врачей, – напоминал указ Сената 1843 года, – должно быть предоставлено только медицинскому их начальству»¹¹.

Можно предположить, что предоставленная политической властью автономия создала в 1830–40-е гг. условия, в которых процедура аттестации превратилась из средства проверки на служебную пригодность в способ профессиональной самоорганизации; а сама процедура обсуждения и защиты диссертаций стала инструментом переработки локальных сведений, эмпирических наблюдений и фактов в теоретическое экспертное знание. Вероятно, оценочная работа факультетов, медицинского совета МВД и медицинского департамента военного министерства способствовала формированию экспертного сообщества, способного верифицировать результаты индивидуальных исследований, концептуализировать их и затем транслировать созданные на их основе частные и обобщающие теории посредством журналов и учебных занятий¹².

Эти гипотезы я проверяю на архивных комплексах двух российских университетов – Московского и Казанского. Их выбор сделан с учетом геополитического положения (позволяющим контролировать Московскому университету центральный, а Казанскому университе-

⁸ Гатина, Вишленкова 2014. С. 177-178.

⁹ Базовыми для исследований профессий и их регулятивного соглашения с государством являются труды: Greenwood 1957; Wilensky 1964; Goode 1960; Barber 1963; Becker 1962; Hughes 1963; Arney 1982; Nettleton 1992; Johnson 1995; Saks 1999; Мансуров, Юрченко 2010; Антропология профессий... 2011. См также обзор: Волков, Чириков 2011; Романов, Ярская-Смирнова 2007.

¹⁰ В 1837 г. в Российской империи и Царстве Польском насчитывалось 6.768 лекарей, а в 1846 г. их стало 8.726. Треть из них служили по военному ведомству (Ханьков 1851. С. 86).

¹¹ Правительственные распоряжения... 1843. С. 1.

¹² Об условиях исследовательской работы ученых врачей и тематике их диссертаций 1830–1850-х гг. См.: Вишленкова, Гатина 2015.

ту – огромный восточный учебные округа) и состояния архивов (сохранивших делопроизводственную документацию за первую половину XIX в.). В Казанском университете за период с 1814 (время создания отделения врачебных наук) по 1860 год удалось обнаружить 87 аттестационных дел врачей, желавших обрести ученую степень. В архиве Московского университета за период с 1833 по 1860-й год обнаружены 287 аттестационных дел¹³. В них редко называются имена соискателей и профессоров, только их фамилии. Они уточнялись по «Российским медицинским спискам», которые издавались ежегодно МВД¹⁴, и по библиографическим словарям профессоров и преподавателей Московского (1855) и Казанского (1904) университетов¹⁵.

Намереваясь понять принципы оценивания и профессиональные конвенции русских ученых врачей, я отбирала в этих папках свидетельства обсуждений исследовательской работы диссертантов. Проведенная на их основе реконструкция позволяет определить изменчивые критерии ранжирования коллег, условия соглашений о качестве научной продукции. В ходе работы стало заметно, что масштаб и острота профессионального обсуждения зависели от ученой степени, на которую претендовал соискатель. В данной статье рассматриваются рецензии и отзывы на диссертации, поданные военными и гражданскими врачами на первые звания – штаб-лекаря (для военного ведомства) и доктора медицины (для гражданского ведомства).

Введенное в воинский устав Петром I звание штаб-лекаря присваивалось старшему полковому врачу, имевшему высшее медицинское образование. По указу 1728 года штаб-лекари были приравнены к рангу капитана-поручика. Гражданские лекари, обретшие степень доктора медицины, числились в более высоком ранге – коллежского асес-

¹³ Опись медицинского факультета начинается с документов 1813 года. Однако до 1833 г. их чрезвычайно мало и аттестационных дел среди них нет. Очевидно, это результат чистки архива в 1860-е гг. Тогда же был ликвидирован архив Московского отделения медико-хирургической академии, которая волилась в Московский университет в 1842 г. (Ильина, Вишленкова. 2013. С. 353-354). Похоже, что после чистки архива выборочные дела из канцелярии университетского совета были сложены архивариусом отдельно (опись 81). Там оказались самые ранние за XIX век медицинские диссертации П.И. Страхова, А.Г. Терновского и М.В. Рихтера (ЦХД до 1917 года ЦГА Москва. Ф. 418. Оп. 81. Д. 9. «Диссертации на иностранных языках» 1821).

¹⁴ Российский медицинский список... 1810-1895.

¹⁵ Казанский университет (1804-2004): библиографический словарь...; Императорский Московский университет: 1755-1917...; Волков, Куликова 2003; Профессора Военно-медицинской (Медико-хирургической) академии. 1798–1998.

сора. Это обстоятельство породило при учреждении врачебных управ (1797), в которые вошли военные и гражданские лекари, сбой иерархии. Во многих губерниях на руководящие должности были тогда назначены опытные штаб-лекари и им подчинены доктора медицины. В начале XIX века университеты выдавали штаб-лекарское звание за тексты медико-топографического характера и посвященные описанию какой-либо болезни (нозология). Докторские степени выдавали за исследования по нозологии или за результаты химико-биологического анализа. Теперь эти ученые звания давали один и тот же классный чин – коллежского асессора.

Оценка лекарственных исследований в Казани

В Казанском университете процедура оценивания штаб-лекарских и докторских диссертаций была довольно простой. Так, в 1839 г. медицинский факультет рассматривал рукопись лекаря Тифлисского егерского полка Григоровича «Медицинские замечания послабляющей желудочно-желчной горячки»¹⁶. На её титульном листе секретарь совета вписал карандашом фамилии четырех экспертов. Каждый из них напротив своей фамилии оставил удостоверение «читал», подпись и дату, а на заседании устно высказал одобрение или неудовлетворение. Остальные члены совета голосовали, доверяя мнению коллег. Принятое решение вносилось в постановление факультета и направлялось в университетский совет. Именно таким образом были одобрены присланные в 1842 г. диссертации младшего лекаря Киевского оружейного завода Федора Островского «Венерическое или переслойное воспаление мочеиспускательного канала»¹⁷ и ординатора иркутского военного госпиталя Афанасия Песочинского «Описание скарлатины, эпидемически свирепствовавшей в 1840 году в Иркутске и его окрестностях»¹⁸.

Письменные рецензии в Казани делались только в конфликтных случаях. Один из них произошел в 1835 г. Получив от акушера и инспектора Томской врачебной управы диссертацию и ответы на заочно заданные экзаменационные вопросы, члены медицинского факультета разделились в оценке знаний соискателя. Трудно сказать, что вызвало

¹⁶ НАРТ Ф. 977. Оп. медфак Д. 344 О присвоении Григоровичу и Сперанскому звания штаб-лекарей. 1839–1840. В Российском медицинском списке за 1839 год перечислены несколько лекарей по фамилии Григорович, что не позволяет определить имя соискателя.

¹⁷ НАРТ Ф. 977. Оп. Совет. Д. 2540. Документы о присуждении Островского в звании штаб-лекаря. 1842. Л. 8-15 об.

¹⁸ НАРТ Ф. 977. Оп. Совет. Д. 2541. Документы об утверждении Песочинского. 1842–1843. Л. 9-64.

разногласия. Только для того, чтобы убедить коллег, профессор Л.Л. Фогель изложил свои аргументы в пользу соискателя в письменном виде. «Так как инспектор Томской врачебной управы, – писал он, – г. штаб-лекарь Трейсер выдержал уже при врачебном отделении императорского Казанского университета, во-первых, экзамен на звание акушера, во-вторых, на звание инспектора, в-третьих, так как он представил диссертацию о весьма важном для России предмете, о лошадиной заразе <...> и, в-четвертых, ответил очень удовлетворительно на два важных вопроса, предложенные ему врачебным отделением Казанского университета, и представил при инспекторском экзамене топографическое описание города Томска; то я почитаю его достойным получить степень доктора»¹⁹.

Другим поводом для написания рецензии стало дело Павла Шюца – лекаря, состоявшего в штате Колывано-Воскресенских заводов и возглавлявшего Барнаульский госпиталь. В 1836 году он подал прошение о проведении заочных испытаний на докторскую степень. К заявлению прилагалась диссертация «О металлической колике. Рассуждение химико-терапевтическое»²⁰. Это 19 листов рукописного текста, размещенного на листах вполонину формата А5 с оборотом. Профессора единогласно признали сочинение «недостаточным». На протест соискателя, амбициозно уверявшего, что он открыл новую болезнь, факультет представил в университетский совет развернутое обоснование своего мнения. «Г. Шюц, – уверяли специалисты, – не мог открыть то, что известно не только врачам, знакомым с иностранною литературою, но даже и учащимся еще медицине, потому что в терапевтических курсах, излагается все, если еще не более, сказанное об этой болезни в сочинении Г. Шюца»²¹. Эксперты сомневались в достоверности статистических данных о численности заболеваний, не подтвержденных «свидетельством местного своего начальства»²². После этого диссертанту было отказано в проведении испытаний.

В спокойных же ситуациях в аттестационные дела вкладывали протокол с фиксацией общей деперсонализированной оценки. Например, когда в 1839 г. ординатор студенческой больницы Карл Демонси

¹⁹ НАРТ Ф. 977. Оп. медфак Д. 272. Об испытании Трейсера на звание доктора медицины. 1835. Л. 4-4 об.

²⁰ НАРТ Ф. 977. Оп. медфак Д. 288. Об экзаменах Шюца на степень доктора медицины. 1836. Л. 3-21 об.

²¹ Там же. Л. 25.

²² Там же. Л. 25 об.

представил диссертацию на степень доктора медицины, совет признал «рассуждение весьма хорошим»²³ и назначил дату публичной защиты.

Тем не менее, отсутствие авторских рецензий в архиве Казанского университета не есть свидетельство равнодушия или заниженных требований местных профессоров к врачам-практикам. Видимо, аттестация на факультете была нацелена не столько на вынесение приговора исследовательским способностям соискателя, сколько на улучшение полученных им результатов, т.е. была частью пост-университетского профессионального обучения. Казанские профессора довольно часто возвращали рукописи диссертаций на доработку с устно высказанными комментариями и рекомендациями. Об этом свидетельствуют прошения соискателей во время прохождения повторного обсуждения²⁴.

Окончательный отказ в присуждении штаб-лекарского звания получали только те авторы, в текстах которых казанские профессора обнаруживали отсутствие допустимого минимума научных знаний. Так произошло при обсуждении диссертации ординатора Тифлисского военного госпиталя Василия Сперанского (1839). Рукопись называлась «Рассуждение о поносе жаркому климату свойственном». На титуле как обычно вписаны карандашом имена четырех рецензентов, есть их удостоверения о прочтении, даты и подписи. На основе устно высказанных оценок читавших профессоров совет решил, что «так как сочинение лекаря Сперанского не показывает в сочинителе тех сведений, которые бы дали ему право на получение звания штаб-лекаря, то отделение не может рекомендовать его достойным к получению оно»²⁵.

Другой пример. В 1842 г. лекарь ставропольского калмыцкого войска Виктор Коршунов, прикомандированный к оренбургскому военному госпиталю, прислал в Казань диссертацию «Описание успешного излечения 30-ти людей от брюшной водяной болезни». Соискатель желал получить за нее звание штаб-лекаря. Ему было отказано на следующем основании: «хотя в означенном описании изложен случай весьма редкий, – записано в постановлении факультетского совета, – но как оно показывает только частно хорошие познания г. Коршунова, то отделение и желало бы иметь от него другое какое-либо сочинение, обширнее обнаруживающее теоретические и практические его сведения – без чего

²³ НАРТ Ф. 977. Оп. медфак Д. 326. О присвоении Демонси степени доктора медицины. 1838–1840. Л. 6.

²⁴ Примером тому: НАРТ Ф. 977. Оп. медфак Д. 481. О присвоении Зедегштуettu степени доктора медицины. 1847–1854. Л. 24 об.

²⁵ НАРТ Ф. 977. Оп. медфак Д. 344. О присвоении Григоровичу и Сперанскому звания штаб-лекарей. 1839–1840. Л. 17 об.

оно не может рекомендовать г. Коршунова достойным звания штаб-лекаря»²⁶. Спустя полгода лекарь прислал новое сочинение на 12 листах «Описание тридцатилетней водяной болезни»²⁷. В архиве не осталось свидетельств того, было ли оно одобрено профессорами или нет.

Рецензирование в Москве

В отличие от казанских коллег, московские профессора всегда писали на диссертации авторские отзывы. Наиболее часто встречающиеся в аттестационных делах рецензии подписаны офтальмологом А.Е. Эвениусом²⁸, хирургом А.И. Овером²⁹ и терапевтом Г.П. Сокольским³⁰. В архивном деле Московского университета рецензии обычно предваряют текст диссертации и протокол ее обсуждения, поэтому почти всегда имеют пагинацию «Л. 3». Их объем оставался на усмотрение рецензента. Встречаются тексты от одного до четырех листов, исписанные с обеих сторон.

До конца 1830-х гг. защиты штаб-лекарских и докторских диссертаций на медицинском факультете проходили не часто и их обсуждения носили неформальный характер, что отразилось на стилистике рецензий: их тексты не подчинены универсальной структуре и не содержат клишированных фабул заключения. Делясь с коллегами впечатлениями о прочитанной диссертации, А.Е. Эвениус сообщал: «Я нахожу сию рукопись заслуживающую всякую похвалу, как в отношении изложения предмета,

²⁶ НАРТ Ф. 977. Оп. Совет. Д. 2529. Документы о присуждении Коршунову звания штаб-лекаря. 1842–1843. Л. 2.

²⁷ Там же. Л. 7-19.

²⁸ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418 Оп. 346. Д. 42. О получении лекарем Патрикеевым звания штаб-лекаря. 1839. Л. 2

²⁹ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 350. Д. 149. О получении лекарем Кадамовым звания штаб-лекаря. 1844. Л. 3; ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 350. Д. 36. О получении Эрбе и Федоровичем званий штаб-лекарей. 1843. Л. 3 и 17; ЦИАМ Ф. 418. Оп. 352. Д. 11. Сочинение «Рассуждение о свинцовой колике», написанное лекарем Ф. Стравинским. 1845. Л. 3

³⁰ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 346. Д. 29. О получении лекарем Блюмом звания штаб-лекаря. 1839. Л. 3; ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 348. Д.13. О получении лекарем Бурцовым звания штаб-лекаря. 1841. Л. 3; ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 351. Д. 52 Сочинение «О признаках головного воспаления вообще и, в частности, о воспалении серозной оболочки мозга», лекаря Тарасенкова. 1844. Л. 3; ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 352. Д. 10 Сочинение «Практические замечания о падучей болезни», написанное лекарем Сыревичем для получения звания штаб-лекаря. 1845. Л. 3; ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 352. Д. 54. О рассмотрении сочинения «О воспалении в физиологическом и патологическом значении», написанным младшим ординатором московского военного госпиталя лекарем Рудинским. 1845. Л. 3.

так и касательно точности описания припадков, изложения причин и лечения, почему и полагаю, что она вполне соответствует требованиям, изложенным в правилах об экзамене медицинских чиновников»³¹.

От соискателей штаб-лекарского и докторского звания профессора хотели, прежде всего, научного описания признаков заболеваний, т.е. заполнения лакун в медицинской географии. Однако, в конце 1830-х гг. это стало казаться легкой задачей. В связи с чем в рецензиях появились пожелания дополнить такие описания собственным целительским опытом. «По препоручению факультета я рассматривал сочинение г. лекаря Сокольскаго о мании, – сообщал профессор Бунге коллегам, – и нашел, что в нем болезнь сия относительно ее явлений, хода, различий, причин, исходов и прочего описана хорошо и верно; почему и полагаю, что оно удовлетворительно для получения звания штаб-лекаря. Впрочем, – посетовал он, – о лечении сей болезни в сочинении ничего не помещено»³².

Выполнение таких пожеланий требовало от соискателей овладения медицинской терминологией. Специализирующийся на ветеринарии Х.Г. Бунге высоко ценил такие навыки. Получив от окружного медика Донецкого округа Василия Сиротенко «Описание сибирской болезни, существующей спорадически на людях в станицах Калитвенской и Усть-Вело-Калитвенской Донецкого округа», он заверил коллег: «оно, по ясности описания болезни и по правильности и рациональности произведенного самим сочинителем лечения оной, заслуживает одобрения»³³.

В те годы медики многих стран стремились к систематизации заболеваний и рационализации их признаков, т.е. к созданию универсального языка нозологии на латыни. Российские лекари нуждались еще и в соглашении относительно русскоязычных терминов для их перевода. В этом интеллектуальном движении виделся путь к распространению достижений мировой медицины в России, к коллективному использованию открытий и опыта отдельных исследователей, превращению их в надындивидуальное знание, принадлежащее всей профессии. Благодаря критике университетских оппонентов происходило складывание словаря русского медицинского языка, а из языка практикующих лекарей

³¹ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 346. Д. 42. О получении лекарем Патрикеевым звания штаб-лекаря. 1839. Л. 2.

³² ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 347. Д. 20. О получении лекарем Соколовским звания штаб-лекаря. 1840. Л. 3.

³³ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 347. Д. 48. О получении лекарем Сиротининым звания штаб-лекаря. 1840. Л. 2.

вытеснялся язык культуры – понятий и интерпретаций, построенных на стереотипичных представлениях о «другом» и инаковости в целом. Их заменяла медико-биологическая аргументация – универсально применимая для описания всего человечества³⁴.

Система оценивания текстов на медицинских факультетах была построена так, чтобы побудить врачей-практиков участвовать в миссии сохранения человеческих жизней, внося в нее вклад не только исцелением физических недугов, но и литературными трудами – публикацией собранных наблюдений, статистики и прочих эмпирических данных. Чтобы их накопление не стало хаотичным, эксперты требовали от участников осведомленности в достижениях предшественников и современных коллег. «Указав на историю и литературу описываемой им болезни, – удовлетворенно сообщил коллегам профессор А.Е. Армфельд, – г. Ложновский излагает главнейшие мнения авторов о распознавании, причинах и лечении ее, сопровождая их собственными замечаниями... Автор видел описываемую им болезнь в пяти случаях, из которых два сообщает в подробности... Основываясь на этих и подобных наблюдениях, автор полагает...»³⁵. В подобных замечаниях просвечивают практики управления процессом производства знания.

Только что вернувшийся из зарубежной стажировки профессор Ф.И. Иноземцев также требовал от диссертантов осведомленности в достижениях мировой медицины. Он одобрял рукопись тогда, когда обнаруживал, что «предмет в вышеозначенном сочинении г. Лобановского, рассмотрен со всех сторон весьма подробно, причем заметно из приведенных цитатов, что г. Лобановский пользовался весьма многими лучшими сочинениями и изложил предмет очень ясно и правильно так, что вышеозначенное сочинение г. Лобановского можно считать совершенно удовлетворительным и соответствующим своей ученой цели и желаемой им степени»³⁶.

Эти тенденции в развитии медицинских наук имели организационную поддержку. 1830–1840-е годы – время амбициозного плана правительства создать в России медицину мирового уровня. В утвердившейся тогда политической концепции сохранение и увеличение народонаселения рассматривалось как показатель эффективно и с по-

³⁴ См об этом: Вишленкова 2011.

³⁵ ЦХД до 1917 года ЦГА Ф. 418. Оп. 345. Д. 53. Об утверждении лекаря Ложновского в звании штаб-лекаря. 1838. Л. 1, 2об., 3об.

³⁶ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 352. Д. 53. О рассмотрении сочинения «Бугорчатая чихотка легких», написанного лекарем 1го отделения Малиным П. для получения звания штаб-лекаря. 1845. Л. 33.

мощью науки организованного управления, ведущего ко всеобщему благосостоянию. В данной связи из государственного бюджета выделялись средства на долгосрочные стажировки университетских врачей в западных клиниках для импортирования их лечебного опыта. Это создало осязаемый водораздел между исследуемой эпохой и первой третью XIX в., когда от диссертации претендента на штаб-лекарское звание и степень доктора медицины ждали лишь пересказа идей какого-либо научного авторитета. Вероятно, незатейливые ожидания начала века были производными от установки на исключительно просветительские задачи ученой медицины. К тому же русские выпускники врачебных отделений и Медико-хирургических академий имели довольно низкую научную подготовку. В 1823 году редактор «Военно-медицинского журнала» сетовал на то, что «русские военные врачи не знают иностранных языков» и не в состоянии читать зарубежные медицинские издания³⁷. Для них в столичном журнале делались русскоязычные обзоры иностранной литературы.

Понятно, что модернизация медицинского образования и латентная кадровая реформа в университетах должны были породить конфликт между амбициозными установками новых профессоров и исследовательскими возможностями не прошедших через их школу весьма взрослых соискателей. Он проявлялся в возмущениях обеих сторон, но университетские архивы зафиксировали голоса только одной из них. Прочитав рукопись уездного врача, профессор Г.П. Сокольский высказал негодование некомпетентностью диссертанта. «По препоручению факультета я рассматривал рукописное рассуждение об апоплексии лекаря Щировского и нашел в нем смешение старых и новых понятий и исследований об этой болезни без достаточного различия и оценивания оных и также мало самоуверенности в анатомических исследованиях»³⁸. «Смешение понятий» подразумевало соединение в логике рассуждений соискателя противоречащих друг другу, т.е. взятых из разных источников без критического соотнесения друг с другом теорий.

Понимание ограниченного доступа практикующих врачей, окончивших высшую школу еще в 1820-е годы, к западному опыту побуждало профессоров идти на снисхождения. «Взяв однако в расчет, что точнейшие исследования этой болезни возможны только при больших

³⁷ Предупреждение // Военно-медицинский журнал, издаваемый медицинским департаментом военного министерства. Ч. 1. № 1. 1823. С. VI.

³⁸ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 346. Д. 13. О получении лекарем Щировским звания штаб-лекаря. 1839. Л. 3.

пособиях и опытности, я нахожу, – писал Сокольский, – труд г-на лекаря Щиrowsкого весьма похвальным и для получения степени штаб-лекаря достаточным»³⁹. Таким образом, в рецензиях конца 1830-х годов можно обнаружить и требования по гамбургскому счету, и учет российской ситуации.

Что не признавалось за достаточное, так это реферативный характер диссертации и отсутствие в ней нового эмпирического материала, т.е. оригинальных наблюдений, сделанных на основе естественнонаучных опытов или историй болезней. Тот же профессор Г.П. Сокольский, читавший диссертацию ординатора Пятигорского военного госпиталя «О воспалении сердца», заключил: «Я читал рассуждение лекаря Барклай-де-Толли на латинском, писанное им для получения степени штаб-лекаря, и нашел, что статьи, составляющие оное, почерпнуты из разных книг, и в совокупности не представляют никакого целого. Анатомическое различие болезни обстоятельно не означено; а симптоматология не достаточна; а потому и нет никакого основания для рассмотрения болезни. Источники для обработки предмета означены превосходные, но пользовался ли он ими, сомнительно»⁴⁰. В данном случае подозрение вызвали истории болезней. Рецензент усомнился в их подлинности, что стало для профессорского совета основанием отказать лекаря в проведении публичной защиты и присвоении звания штаб-лекаря.

Разоблачения и негативные отзывы на штаб-лекарские и докторские диссертации встречаются в архивных документах довольно редко. Таковой, например, содержится в рецензии профессора Х.Г. Бунге на исследование лекаря третьего резервного саперного батальона Михаила Русакова (1837). Профессор посчитал диссертацию «неудовлетворительной»⁴¹, и соискатель не был допущен к испытаниям на звание доктора медицины.

От оценки к удостоверению

Отзыв на диссертацию обрел более-менее универсальный формуляр в 1840-е годы. В те годы в университетах шло интенсивное обсуждение присланного из Санкт-Петербурга проекта нового «Положения о присуждении ученых степеней». Профессора «уваровского призыва»

³⁹ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 346 Д. 13. О получении лекарем Щиrowsким звания штаб-лекаря. 1839. Л. 3.

⁴⁰ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 347. Д. 46. О диссертации лекаря Барклай-де-Толли. 1840. Л. 3.

⁴¹ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 345. Д. 1. О допуске лекаря Зго резервного саперного батальона Русакова к экзамену на звание доктора медицины. 1838. Л. 3.

внесли в него требование оригинальности диссертационных исследований и прописали требования к объему знаний соискателей. Видимо, после этого рецензия могла быть простым удостоверением соответствия этим зафиксированным общим требованиям.

Читая отзывы о диссертациях этого десятилетия, испытываешь чувство, что читаешь один и тот же текст, в котором изменяются лишь имена соискателей и названия работ, а сама оценка имеет характер протокольного свидетельства. «По препоручению факультета, – писал, например, в 1840 г. тот же профессор Бунге, – я рассматривал сочинение лекаря Смирновского о эпидемической тифозной горячке, представленное для достижения степени штаб-лекаря, и нашел, что предметы изложены правильно и удовлетворительно, почему мнением полагаю, что сочинитель заслуживает удостоения означенной степени»⁴². В те годы многие профессора ограничивались в рецензиях лапидарным подтверждением (не)соответствия прочитанного текста министерским требованиям к диссертациям такого уровня⁴³. Весьма лаконичны отзывы профессора А.Е. Армфельда (1843) на сочинение Федора Радзивиловича («рассуждение..., составленное и изложенное весьма хорошо»⁴⁴), Г.П. Сокольского о рукописи лекаря второго военно-рабочего батальона путей сообщения Франца Варжковского («...нахожу оно достаточным для получения звания штаб-лекаря»⁴⁵), его же на диссертации младшего лекаря второго учебного кабардинского полка Николая Шереметевского «Рассуждение о скорбуте» (1841)⁴⁶, лекаря второго военно-рабочего батальона путей сообщения Василия Бурцова «О кори» (1841)⁴⁷, лекаря первого отделения Егора Андриевского о тифозной горячке (1842)⁴⁸, лекаря Ореста Рудинского «О воспалении в физиологическом и патологи-

⁴² ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 347 Д. 34 О получении лекарем Смирновским звания штаб-лекаря. 1840. Л. 3.

⁴³ «Правила испытания медицинских, ветеринарных и фармацевтических чиновников и вообще лиц, занимающихся врачебною практикою» (1838).

⁴⁴ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 350. Д. 63 О получении лекарем Радзивиловичем звания штаб-лекаря. 1843. Л. 3.

⁴⁵ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 348. Д. 87. О получении лекарем Варжковским звания штаб-лекаря. 1838. Л. 3.

⁴⁶ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 348. Д. 69. О получении лекарем Шереметевским звания штаб-лекаря. 1841. Л. 3

⁴⁷ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 348 Д. 13 О получении лекарем Бурцовым звания штаб-лекаря. 1841. Л.3.

⁴⁸ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 349. Д. 52. О получении лекарем Андриевским звания штаб-лекаря. 1842. Л. 3.

ческом значении» (1845)⁴⁹ и Рыльского уездного врача Антона Ковского об остром воспалении желудка и кишок (1845)⁵⁰.

Пару раз профессору Филомафитскому декан поручал читать и оценивать сразу по две диссертации, что позволяло рецензенту сравнивать научные достоинства текстов. Однажды это сработало против одного из соискателей, но в другой раз неизбежное в таком случае сопоставление не повлияло на решение присудить обоим претендентам Виктору Сандукели (Сандукелиеву) и Сергею Глаголеву искомые степени («оба названные мною сочинения вполне удовлетворяют своей цели»⁵¹). Диссертацию «Практические наблюдения воспаления мозга» лекаря Егора Анадальского (1845) он тоже считал «удовлетворительной»⁵². Такие же сухие свидетельства содержатся в отзывах других московских профессоров. Так, Н.Б. Анке подтвердил, что диссертации лекаря Константина Ержемского «О трескопеченочной варвани» (1845) и батальонного лекаря Белевского егерского полка Ивана Преображенского о болезнях, основанных на расстройствах кругообращения крови в легочной ткани и способе их лечения (1846)⁵³ удовлетворяют требованиям. Профессор Ф.И. Иноземцев вынес подобную оценку рукописи «Описание членосоставного гриба» старшего лекаря шестого саперного батальона Кирилла Андреевского (1844)⁵⁴. А когда совет поручил адъютантам И.Ф. Гильтебрандту и Н. Топорову прочитать медико-топографическое сочинение уездного врача Ивана Хавского⁵⁵ и исследование

⁴⁹ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 352 Д. 54 О рассмотрении сочинения «О воспалении в физиологическом и патологическом значении», написанном младшим ординатором Московского военного госпиталя лекарем Рудинским. 1845. Л. 3.

⁵⁰ Там же. Д. 30. О рассмотрении сочинения «Практические замечания об остром воспалении желудка и кишок», написанного лекарем Ковским. 1845. Л. 3.

⁵¹ Там же. Д. 84 О диссертациях лекарей Глаголевым В. «Рассуждение об истерике» и Сандукелким на лат. языке, представленными для получения звания штаб-лекаря. 1845. Л. 5.

⁵² Там же. Д. 27 О рассмотрении сочинений лекарей Анадальского «О воспалении мозга»; Ержемского «О трескопеченочной варвани»; Хавского «Медико-топографическое описание Дмитровского уезда», написанных для получения звания штаб-лекаря. 1845. Л. 3.

⁵³ Там же. Л. 21; ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 352. Д. 102 Сочинения на латинском языке, представленные лекарями Преображенским и Костемеревским для получения звания штаб-лекарей. 1846. Л. 28.

⁵⁴ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 350. Д. 137 О получении лекарем Андреевским звания штаб-лекаря. 1843-1844. Л. 3.

⁵⁵ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 352. Д. 27 О рассмотрении сочинений лекарей Анадальского «О воспалении мозга»; Ержемского «О трескопе-

лекаря Петра Малинина «О бугорчатой чахотке легких» (1845)⁵⁶, они заверили старших коллег, что диссертации «удовлетворительные».

В этой связи появление в матричных текстах необычных замечаний и нешаблонных фраз побуждает заподозрить признаки расшатывания канона и переопределения научных норм.

От удостоверения к экспертизе

По всей видимости, размах в 1840–50-е гг. исследовательской активности российских врачей и основание профессиональных обществ сказались на изменении статуса рецензии в профессии и на эволюции ее как научного жанра. В конце 1840-х гг. московские профессора стали отходить от формализованной оценки. Поскольку диссертация уже не считалась частью письменного экзамена, а рассматривалась как фиксация открытий исследователя, от рецензента ждали верификации методов, эмпирического материала и выводов, т.е. профессиональной экспертизы диссертации с точки зрения интересов развития дисциплины, а не требований чиновников. Поэтому профессора не свидетельствовали соответствие, а судили от лица «науки» и говорили о задаче воспитания «просвещенного врача». А само составление рецензии превратилось в научно-учебное мероприятие. Многие рецензии тех лет подписаны двумя авторами – профессором и его учеником – адъюнктом.

О диссертации Задергольма профессор В.А. Басов и адъюнкт В.И. Кох отозвались так: «Автор диссертации обозревает избранный им для рассуждения предмет в возможной полноте, касается всех важных к нему относящихся вопросов, рассматривает их подробно, воспользовавшись известнейшими сочинениями новейших и прежних времен; из чего можно заключить о добросовестности его труда и способности вникать подробно и отчетливо в сущность и лечение болезней, как требуется от врача истинно просвещенного и желающего пользоваться высшею медицинскою степенью»⁵⁷.

В том же году В.И. Кох в паре с профессором А.И. Полуниным написал еще один отзыв. Главное достоинство диссертации рецензенты увидели в теоретической подготовке автора и в оригинальности его

ченочной варвани»; Хавского «Медико-топографическое описание Дмитровского уезда», написанных для получения звания штаб-лекаря. 1845. Л. 37.

⁵⁶ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 352. Д. 53 О рассмотрении сочинения «Бугорчатая чахотка легких», написанного лекарем Iго отделения Малининым П. для получения звания штаб-лекаря. 1845. Л. 3.

⁵⁷ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 353. Д. 102. 102. О допуске лекарей Бекетова, Задергольма, Николаева к экзамену на звание доктора медицины. 1846-1850. Л. 5 об.

суждений: «Г. Николаев при составлении рассуждения, воспользовавшись трудами известных ученых, не ограничился одною выпискою их мнений и исследований. Он рассуждает самостоятельно, основываясь на данных физики и физиологии»⁵⁸. Ценилась не осведомленность, а способность диссертанта к критической ревизии опыта предшественников.

В дальнейшем применение в экспериментальной работе врача теоретических знаний из медицинских и естественных наук стало выдвигаться рецензентами как обязательное требование к диссертационному исследованию. Сначала об этом говорили как об особых заслугах отдельных выдающихся соискателей. Однако, проговоренное несколько раз в экспертной среде, это качество превратилось в профессиональную норму. «Очерк г. Ложновского, – уверял профессор А. Армфельд, – обнаруживающий добротное знакомство с медицинскою, особенно, акушерскою литературою, и заслуживающий по направлению своему эпитет “практического”, делает автору честь и дает ему, по моему мнению, полное право на получение искомой им степени»⁵⁹.

В университетских архивах сохранились дела, которые свидетельствуют об использовании рецензий в качестве орудия для обоснования особого вклада соискателей в науку. Такой пример дает отзыв на диссертацию ученого аптекаря Московского университета Николая Лясковского (1849). Соискатель попросил профессорский совет издать его текст за счет университетских средств⁶⁰. Необычность просьбы состояла в том, что по правилам диссертанты публиковали свои трактаты за собственный счет. Для положительного решения рецензентам предстояло доказать совету университета особые заслуги соискателя.

А.И. Полуниин заверил коллег с других факультетов: «Господин Лясковский своими критическими исследованиями и наблюдениями оказал важную заслугу науке»⁶¹. Данное утверждение он аргументировал эрудицией исследователя, его знакомством с трудами западных ученых о холере и версиями ее происхождения⁶². Что касается экспериментальной части диссертации, то «предмет изложен с возможной полнотою и с строгою критикою, показывающую многостороннюю образованность автора». Впрочем, не столько теоретическими знания-

⁵⁸ Там же. Л. 2 об.

⁵⁹ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418 Оп. 345. Д. 53 Об утверждении лекаря Ложновского в звании штаб-лекаря. 1838. Л.4 об.

⁶⁰ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 354. Д. 141 О допуске лекаря Н. Лесковского к экзаменам на степень доктора медицины. 1847–1849. Л. 17.

⁶¹ Там же. Л. 29об.

⁶² Там же. Л. 29.

ми соискателя был покорен профессор, сколько тем, что в ходе борьбы с холерой Лясовский подверг гипотезы западных коллег об инфекционной природе холеры аналитической проверке. Во время эпидемии 1847 года он проводил ежедневные заборы и исследования воздуха на университетском дворе. «Конечно, подобные исследования воздуха были произведены и в прежние эпидемии (в Вене и Париже), – писал Полунин, – но цель их так видна, что они должны быть повторены на разных частях земной поверхности. При том способ, которым исследовал воздух г. Лясовский, гораздо точнее способов, употребленных при исследовании воздуха в течение холеры в Вене и Париже».

Поскольку в данном случае речь шла не о личных заслугах или амбициях, а о вкладе России в мировую науку, то совет медицинского факультета ходатайствовал перед большим советом выделить казенные средства на издание диссертации тиражом аж в 600 экземпляров. Благодаря университетской рассылке эти результаты имели шанс стать известными в медицинской среде не только империи, но и западных стран. «Труд г. Лясовскаго, – сообщалось в представлении медиков, – содержит первый значительный ряд анализа атмосферного воздуха в России и первые анализы воздуха Московского, – анализы, произведенные по наиточнейшему методу посредством взвешивания кислорода воздуха. Анализы эти не напечатаны по сию пору нарочно с тем, чтобы их поместить в издании русском, и если возможно, Московского университета, в фармацевтической лаборатории которого они произведены»⁶³. В отзыве подчеркивалась научная новизна и соответствие мировым тенденциям в науке. В ноябре 1849 года Лясовский успешно защитил опубликованную за казенный счет диссертацию.

Язык науки

За хорошую латынь, т.е. за точный язык науки профессора хвалили соискателей особо. Так, на отзыве своего коллеги Н.Б. Анке сделал приписку: «Совершенно согласен с мнением г. профессора Полунина. Добавлю только, что латинский язык, на котором писана диссертация, заслуживает особенно похвального отзыва»⁶⁴. Но в целом требование писать исследования на латыни создавало для российских претендентов на степень большие трудности. Довольно часто после обсуждения на факультетском совете им возвращали рукописи на лингвистическую доработку. Особенно много таких претензий стало в 1840–50-е гг., ко-

⁶³ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 354. Д. 141 О допуске лекаря Н. Лесковского к экзаменам на степень доктора медицины. 1847–1849. Л. 20.

⁶⁴ Там же. Л. 29 об.

гда, с одной стороны, университеты начали публиковать медицинские диссертации и рассылать их в научные центры и специалистам, а с другой – латынь перестали изучать в русских гимназиях. Соискателя Алексея Николаева московские рецензенты хвалили за оригинальность исследования и ругали за стилистику рукописи⁶⁵. После обсуждения он потратил еще год на улучшение качества латинского текста. Только после этого диссертация была рекомендована к публикации.

С такими же проблемами сталкивались соискатели в Казани. Во многих аттестационных делах можно обнаружить заключения такого рода: «Принимая в уважение важность избранного г-м Розовым для его диссертации предмета; потребность в дальнейшем его исследовании, необходимость в поощрении каждого труда, предпринятого для его разработки, трудолюбие и даровитость диссертанта – возратить г-ну Розову его сочинение для исправления изложения и чистоты языка»⁶⁶.

Слабое владение латынью и грамматические ошибки приводили к отказу в публикации и организации публичной защиты или требовали от рецензентов компромисса. «Добрые» оппоненты относились к низкому качеству латыни в диссертациях снисходительно. «Возвращая уже просмотренное мною рассуждение..., составленное на латинском языке батальонным лекарем Белевского егерского полка Костемеровским, – писал профессор Н.Б. Анке, – честь имею донести медицинскому факультету, что хотя из этого рассуждения видно, что сочинитель оного не грамматически знает латинский язык, судя по ошибкам его в правописании, но по предмету изложенному им, я нахожу означенное рассуждение для получения звания штаб-лекаря удовлетворительным»⁶⁷. «Строгие» рецензенты такие тексты не пропускали. В отзыве на диссертацию Михаила Шереметьевского (1847) профессор А.О. Армфельд потребовал: «против содержания возражений не имею; но язык прошу пересмотреть и переправить»⁶⁸.

⁶⁵ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 353. Д. 102 О допуске лекарей Бекетова, Задергольма, Николаева к экзамену на звание доктора медицины. 1846-1850. Л. 2 об.

⁶⁶ НАРТ Ф. 977. Оп. медфак Д. 482 О присвоении Розову степени доктора медицины. 1847-1850. Л. 18-18 об.

⁶⁷ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 352. Д. 102 Сочинения на латинском языке, представленные лекарями Преображенским и Костемеровским для получения звания штаб-лекарей. 1846. Л.3.

⁶⁸ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 353. Д. 86 О допуске лекарей Малича Г., Шереметьевского М. к испытаниям на звание доктора медицины. 1846-1850. Л. 48.

В особо тяжелых случаях совет рекомендовал соискателю написать новое исследование на тему, не требующую латыни, например, медико-топографическое описание. Так, получив спустя полгода после обсуждения (1853) рукопись, декан «нашел ее с теми же ошибками и ни в чем совершенно не исправленную. Приказали: поелику факультет усматривает, что диссертация г-на Аблеса свидетельствует о неспособности к самостоятельной обработке избранной им темы, то предоставить ему избрать другую, по которой мог бы написать диссертацию, удовлетворительную для получения степени доктора медицины»⁶⁹. Между прочим, соискатель воспользовался рекомендацией и через год защитил диссертацию на другую тему на русском языке.

В конце 1850-х гг. ситуация со знанием латыни еще более ухудшилась, что привело к снижению защит и сокращению научных публикаций по медицине. В этой связи профессорские советы решили отказаться от латыни как языка медицинских наук. «Русская литература медицинская, – писал в обращении к министерским чиновникам казанский профессор А.А. Соколовский, – к тому столь бедная у нас самостоятельными произведениями, теряет чрезвычайно много, лишаясь столь обработанных специальных сочинений, каковы докторские диссертации, которые обыкновенно написанные на латинском языке остаются мертвой принадлежностью библиотек университетских, печатаются в весьма ограниченных количествах и вовсе остаются недоступными для читающей медицинской публики»⁷⁰.

В результате ходатайства университетов министерство разрешило российским лекарям писать исследования и защищать диссертации на русском языке, оставив латынь только на письменном экзамене. «Чтобы иметь возможность удостовериться, – объясняло министерское распоряжение, – что лица ищущие медицинских ученых степеней, знают латинский язык насколько это необходимо для каждого медика»⁷¹.

Определение авторства

Рецензенты штаб-лекарских и докторских диссертаций должны были выяснить авторство оцениваемого текста – написана ли диссертация самим соискателем, является ли текст рукописи оригинальным сочинением. Для ответа на эти вопросы использовались разные способы проверки. Например, профессор мог пообщаться с диссертантом лично.

⁶⁹ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 353. Д. 100 О допуске лекаря Аблеса В. к экзаменам на степень доктора медицины. 1846–1854. Л. 29 об.

⁷⁰ НА РГ. Ф. 977. Медфак. Д. 670 Об отмене правил писать докторские диссертации на латинском языке. 1858-1859. Л. 3-3об.

⁷¹ Там же. Л. 5об.

Так, А.О. Армфельд, читавший диссертацию «Практический очерк детской болезни: корча гортанного отверстия» (1838), приватно беседовал с автором. «Словесные объяснения и дополнения г. Ложновского, – сообщил он коллегам по факультету, – убедили меня в том, что представленное им рассуждение действительно есть собственный его труд»⁷².

Для взвешенной оценки важно было выяснить, является ли диссертация изложением опыта личных наблюдений соискателя, т.е. основана ли она на историях болезней *его* пациентов. Выводы могли считаться заслуживающими доверия только, если рецензент с уверенностью мог сказать нечто подобное: «автор видел описываемую им болезнь в пяти случаях, из которых два сообщает в подробности» или, что «основываясь на этих и подобных наблюдениях, автор полагает...»⁷³.

В тех случаях, когда диссертант представлял сочинение по практической медицине, медицинской химии или фармакологии, профессора могли потребовать воспроизвести некоторые опыты у них на глазах. Через такой экзамен прошел лекарь Екатеринбургского богадельного дома Александр Кетчер, представивший трактат «О синильной кислоте» (1838). Проверивший его профессор А. Армфельд выдал соискателю справку «на плагиат»: «По поручению г. декана производил я испытание г. КЕТЧЕРУ, по результату которого есть причина полагать, что представленное им в факультет рассуждение О СИНИЛЬНОЙ КИСЛОТЕ обдуманно и писано им самим»⁷⁴. В обстоятельном отзыве (пять листов рукописного текста) рецензент описал научную эрудицию диссертанта. Приговор гласил: «Содержание всего рассуждения, выбор и изложение чужих мнений и внимательность, с которою были произведены собственные опыты, доказывают, кроме любви к науке, довольно короткое знакомство с ученым и техническим медицинским материалом и умение пользоваться им, и делает автора, по мнению моему, совершенно достойным степени штаб-лекаря, которой он домогается»⁷⁵.

В 1840-е годы авторство диссертаций стали удостоверить уже не университетские рецензенты, а справки с мест службы. Штатские врачи добивались свидетельств от врачебных управ⁷⁶, а военные лекари

⁷² ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 345. Д. 53 Об утверждении лекаря Ложновского в звании штаб-лекаря. 1838. Л. 4 об.

⁷³ Там же. Л. 2 об и 3 об.

⁷⁴ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 345. Д. 24. О допуске лекаря Кетчера к экзамену на звание штаб-лекаря. 1838. Л. 43.

⁷⁵ Там же. Л. 47.

⁷⁶ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 352. Д. 146. С сочинением «Анатомо-патологическое и микроскопическое исследование туберкулов легких»

представляли удостоверения от своего начальства или от коллег по армейскому подразделению⁷⁷. Видимо, МВД и военное министерство отдали распоряжение о предоставлении таких свидетельств. Трудно сказать, стала ли эта форма поручительства эффективной защитой от фальшивых диссертаций и вообще – были ли таковые. На основе этих свидетельств можно утверждать другое – министерские чиновники подозревали соискателей в подлоге и домогательстве высоких чинов, что оправдывало ужесточение условий аттестации. Не знаю, как ощущали бы себя в этой ситуации владельцы купленных диссертаций, но врачам-исследователям такая подозрительность чиновников создавала дополнительные препятствия для профессионального роста.

Итак, в интересующее нас время экспертиза диссертаций на звание штаб-лекаря и ученую степень доктора медицины прошла эволюцию от корпоративной оценки знаний соискателя к удостоверению соответствия текста министерским требованиям, а затем – к профессиональной экспертизе «новых высказываний». Последняя подразумевала выявление следующих параметров: оригинальности, знания исследовательской традиции, уровня владения языком науки, способности соотносить теоретическое знание с экспериментальной практикой и наоборот обобщать казусы наблюдений до уровня теории.

Факультетская оценка воплощалась в различные формы. В Казани она формулировалась в виде решения профессорского совета, принятого на основе устно высказанных мнений коллег, прочитавших рукопись. В Москве оценивание предполагало написание авторской рецензии. Изучение обнаруженных в аттестационных делах экспертных коммен-

представленного лекарем Лаврениусом для получения звания штаб-лекаря. 1845. Л. 42 об.; ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 349. Д. 52. О получении лекарем Андриевским звания штаб-лекаря. 1842. Л. 41 об.

⁷⁷ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 350. Д. 24. О получении лекарем Высотским звания штаб-лекаря. 1843. Л. 4; ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 352. Д. 61. О рассмотрении сочинения на латинском языке, написанного лекарем Добротворским для получения звания штаб-лекаря. 1845. Л. 39 об.; ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 352. Д. 62. О рассмотрении сочинения лекарей Храбростиина и Лукашевича «Краткое обозрение ревматизма суставов с присовокуплением собственных наблюдений». 1845. Л. 15; ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 350. Д. 36. О получении Эрбе и Федоровичем званий штаб-лекарей. 1843. Л. 26; ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 352. Д. 143. О доставлении сочинения «О кровавом поносе», представленного лекарем Бутырского пехотного полка Минервиным Е. 1845. Л. 32; ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 352. Д. 146. С сочинением «Анатомо-патологическое и микроскопическое исследование туберкулов легких» представленного лекарем Лаврениусом для получения звания штаб-лекаря. 1845. Л. 42 об.

тариев позволяет говорить о складывании в 1840-е годы жанра научной рецензии. По всей видимости, столица оказалась более благоприятным местом для этого, чем провинция, в силу большей численности врачей, наличия здесь профессиональных обществ⁷⁸ и вовлеченности в государственное управление через медицинские советы и врачебные управы.

Совершившийся к середине XIX века отказ от латыни в пользу национального языка имел свои причины и последствия. Его подготовили аналогичные тенденции в западных, прежде всего в германских университетах, а также реформа школьного образования, устранившая латынь из курса гимназического обучения. В этой связи самыми подготовленными абитуриентами для медицинских факультетов стали выпускники духовных семинарий, имевшие ограниченный доступ в университеты. Установка министерства народного просвещения и правительства Николая I на возвращение «русских» наук о человеке также оправдывала появление «русской медицины», говорившей и писавшей на национальном языке.

Вместе с усложнением экспертных функций факультеты либо отказались, либо им было отказано в праве удостоверить авторство медицинских диссертаций. Эти функция и право перешли к местам службы соискателей. Теперь служащие МВД и военных ведомств удостоверяли профессоров в соответствии личности соискателя профессиональной этике. Такое перераспределение власти привело к тому, что вскоре государственные ведомства (военные госпитали и врачебные управы) стали фигурировать в документах как ходатаи ученых степеней (а, следовательно, и чинов) для своих подчиненных. Их руководители выступали инициаторами аттестации, адресатами аттестационной документации, а порой и заявляли о себе как о коллективном авторе сочинения⁷⁹.

Двойственность субъектов оценивания отразила сложный статус ученой степени в модерной империи – документального свидетельства места ученого врача в профессиональной иерархии и его права на должность в государственной структуре. И хотя государство делеги-

⁷⁸ Общество соревнования врачебных и физических наук при Московском университете и Виленское медицинское общество (1805), Общества (немецких) практических врачей в Москве (1819), Петербурге (1819) и Риге (1823), Петербургское фармацевтическое общество (1818), Варшавское медицинское общество (1821), Общество русских врачей в Петербурге (1833), Общество киевских (1840) и одесских (1844) врачей.

⁷⁹ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 347. Д. 34. О получении лекарем Смирновским звания штаб-лекаря. 1840. Л. 3. Владимирская врачебная управа прислала в ИМУ диссертацию Щиrowsкого: Ф. 418. Оп. 346. Д. 13 О получении лекарем Щиrowsким звания штаб-лекаря. 1839.

ровало врачебному сословию самооценку знаний и умений врачей, оно сохранило за собой (то есть за участвующими в реализации социального контроля медицинскими чиновниками) контроль за условиями «производства новых высказываний», то есть за полевой работой диссертантов, а тем самым за доступ к классным чинам и должностям. Такими видятся неписанные условия «регулятивного соглашения», которые устанавливались между государством и медицинской профессией в России Николаевской эпохи.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 977 Оп. медфак Д. 272. 1835.
Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 977 Оп. медфак Д. 288. 1836.
Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 977 Оп. медфак Д. 326. 1838–1840.
Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 977 Оп. медфак Д. 344. 1839–1840.
Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 2540. 1842.
Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 2529. 1842–1843.
Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 977 Оп. медфак Д. 482. 1847–1850.
Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 977 Оп. медфак Д. 481. 1847–1854.
Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 977. Медфак. Д. 670. 1858–1859.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 81. Д. 9. 1821.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 345. Д. 1. 1838.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 345. Д. 24. 1838.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 345. Д. 53. 1838.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 346. Д. 13. 1839.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 346. Д. 29. 1839.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 346. Д. 42. 1839.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 347. Д. 20. 1840.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 347. Д. 34. 1840.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 347. Д. 46. 1840.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 347. Д. 48. 1840.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 348. Д. 13. 1841.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 348. Д. 87. 1838.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 348. Д. 69. 1841.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 349. Д. 52. 1842.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 350. Д. 24. 1843.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 350. Д. 36. 1843.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 350. Д. 63. 1843.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 350. Д. 137. 1843–1844.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 350. Д. 149. 1844.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 351. Д. 52. 1844.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 352. Д. 10. 1845.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 352. Д. 11. 1845.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 352. Д. 27. 1845.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 352. Д. 30. 1845.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 352. Д. 53. 1845.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 352. Д. 54. 1845.

- Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 352. Д. 61. 1845.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 352. Д. 62. 1845.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 352. Д. 84. 1845.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 352. Д. 102. 1846.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 352. Д. 143. 1845.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 352. Д. 146. 1845.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 353. Д. 102. 1846–1850.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 354. Д. 141. 1847–1849.
- Антропология профессий, или посторонним вход разрешен. М., 2011.
- Вишленкова Е.А.* Медико-биологические объяснения социальных проблем России (вторая треть XIX века) // История и историческая память: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева. Саратов, 2011. Вып. 4. С. 37–66.
- Вишленкова Е.А., Гатина З.С.* «Изложить предмет сциентифический...»: полевые исследования русских врачей (первая половина XIX века) // Российская история. 2015, №3 (в печати).
- Волков В.А., Куликова М.В.* Российская профессура XVIII – начала XX в. Биологические и медико-биологические науки. Биографический словарь. СПб., 2003.
- Волков В.А., Чириков Е.П.* Профессия и профессионализм как предмет отечественных и зарубежных исследований // Научные труды Северо-Западного института управления // 2011. Т. 2. № 1. С. 32–42.
- Гатина З.С., Вишленкова Е.А.* Система научной аттестации в медицине (Россия, первая половина XIX века) // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. №1 (18), 2014. С. 177–178.
- Иванов А.Е.* Ученые степени в Российской империи: XVIII в. – 1917 г. М., 1994.
- Ильина К.А., Вишленкова Е.А.* Архивариус: хранитель и создатель университетской памяти // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов. М.: ИД ВШЭ, 2013. С. 353–354.
- Императорский Московский университет: 1755–1917 / Сост. А.Ю. Андреев, Д.А. Цыганков. М.: РОССПЭН, 2010.
- Казанский университет (1804–2004): библиографический словарь / Глав. ред. Г.Н. Вульфсон. Т. 1: 1804–1904. Казань: изд-во Казанск. ун-та, 2002.
- Мансуров В.А., Юрченко О.В.* Профессиональная идеология альтруизма российских врачей // Вестник Института социологии. 2010. № 1. С. 397–410.
- Михневич А.В.* Правовое регулирование присуждения медицинских, фармацевтических и ветеринарных ученых степеней в России (1747–1918): Дисс. ...канд. юрид. наук. Пятигорск, 2004.
- Об устройстве училищ, 24 января 1803 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1864. Т. 1: Царствование императора Александра I: 1802–1825. № 6. Стб. 17–18.
- Правительственные распоряжения // Медикостатистические известия. 1843, январь. С. 1.
- Предупреждение // Военно-медицинский журнал, издаваемый медицинским департаментом военного министерства. Ч. 1. № 1. 1823. С. VI.
- Профессора Военно-медицинской (Медико-хирургической) академии. 1798–1998. СПб., 1998.
- Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р.* Три типа знания в социологии профессий // Социальная динамика и трансформация профессиональных групп в современ-

- ном обществе / под ред. В.А. Мансурова. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2007. С. 12-32.
- Российский медицинский список, по Высочайшему повелению издаваемый Медицинским департаментом МВД. СПб: тип. МВД, 1810–1895.
- Указ 9 июня 1764 года «О производстве кандидатов, обучившихся медицине, в доктора сего факультета, по собственным Медицинской коллегии экзаменам // Полное собрание законов Российской империи. Собр-е 1. СПб., 1830. Т. 16. С. 795.
- Указ 29 сентября 1791 год «О предоставлении Московскому университету права давать докторскую степень обучившимся в оном врачебной науке» // Полное собрание законов Российской империи. Собр-е 1. СПб., 1830. Т. 23, № 16988.
- Ученые степени в российских университетах // Университет в Российской империи XVIII – первой половины XIX века / Под ред. А.Ю. Андреева и С.И. Посохова. М., 2012. С. 326–388.
- Якушев А.Н.* Организационно-правовой анализ подготовки научных кадров и присуждения ученых степеней в университетах и академиях России: (1747–1918): История и опыт реализации: Дисс... канд. юр. наук. СПб., 1998.
- Ханьков Я.В.* Очерк истории медицинской полиции в России. СПб: тип. МВД, 1851.
- Arney W.R.* Power and Profession of Obstetrics. London, 1982; Sarah Nettleton. Power, Pain and Dentistry. Buckingham, 1992.
- Barber B.* Some Problems in the Sociology of Professions // *Daedalus*. 1963. Vol. 92. P. 669-688.
- Becker H.* The Nature of a Profession // *Education for the Professions* / ed. by National Society for the Study of Education. Chicago: University of Chicago Press, 1962.
- Hughes E.* Professions // *Daedalus*. 1963. № 92 (4), 655-668.
- Goode W. J.* Encroachment, Charlatanism and the Emerging Profession: Psychology, Sociology and Medicine // *American Sociological Review*. 1960. Vol. 25. P. 902-914.
- Greenwood E.* Attributes of a Profession // *Social Work*. 1957. Vol. 2. P. 45-55.
- Harold L. Wilensky.* The Professionalisation of Everyone? // *American Journal of Sociology*. 1964. Vol. 70. P. 137-58.
- Johnson T.* Governmentality and the Institutionalization of Expertise // Johnson, Gerry Larkin and Mike Saks (Eds). *Health Professions and the State in Europe*. L., 1995.
- Renner A.* Russische Autokratie und Europaische Medizin: Organisierter Wissenstransfer im 18.jahrhundert (Medizin, Gesellschaft und Geschichte – Beihefte). Franz Steiner Verlag Wiesbaden, 2010.
- Saks M.* Professions, Markets and Public Responsibility // Mike Dent, Maggie O’Neill, Carl Bagley (Eds.). *Professions, New Public Management and the European Welfare State*. Staffordshire, 1999.

REFERENCES

- Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan. F. 977 Op. medfak D. 272. 1835.
- Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan. F. 977 Op. medfak D. 288. 1836.
- Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan. F. 977 Op. medfak D. 326. 1838–1840
- Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan. F. 977 Op. medfak D. 344. 1839–1840.
- Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan. F. 977. Op. Sovet. D. 2540. 1842.
- Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan. F. 977. Op. Sovet. D. 2529. 1842–1843.
- Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan. F. 977 Op. medfak D. 482. 1847–1850.
- Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan. F. 977 Op. medfak D. 481. 1847–1854.
- Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan. F. 977. Medfak. D. 670. 1858–1859.

- Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 81. D. 9. 1821.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 345. D. 1. 1838.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 345. D. 24. 1838.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 345. D. 53. 1838.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 346. D. 13. 1839.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 346. D. 29. 1839.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 346. D. 42. 1839.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 347. D. 20. 1840.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 347. D. 34. 1840.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 347. D. 46. 1840.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 347. D. 48. 1840.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 348. D. 13. 1841.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 348. D. 87. 1838.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 348. D. 69. 1841.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 349. D. 52. 1842.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 350. D. 24. 1843.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 350. D. 36. 1843.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 350. D. 63. 1843.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 350. D. 137. 1843–1844.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 350. D. 149. 1844.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 351. D. 52. 1844.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 352. D. 10. 1845.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 352. D. 11. 1845.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 352. D. 27. 1845.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 352. D. 30. 1845.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 352. D. 53. 1845.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 352. D. 54. 1845.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 352. D. 61. 1845.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 352. D. 62. 1845.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 352. D. 84. 1845.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 352. D. 102. 1846.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 352. D. 143. 1845.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 352. D. 146. 1845.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 353. D. 102. 1846–1850.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 354. D. 141. 1847–1849.
- Antropologiya professii, ili postoronnim vkhod razreshen. M., 2011.
- Vishlenkova E.A. Mediko-biologicheskie ob'yasneniya sotsial'nykh problem Rossii (vtoraya tret' XIX veka) // Istoriya i istoricheskaya pamyat': Mezhvuz. sb. nauch. tr. / Pod red. A.V. Gladysheva. Saratov, 2011. Vyp. 4. S. 37–66.
- Vishlenkova E.A., Gatina Z.S. «Izlozhit' predmet stsiyentificheskii...»: polevye issledovaniya russkikh vrachei (pervaya polovina XIX veka) // Rossiiskaya istoriya. 2015, №3.
- Volkov V.A., Kulikova M.V. Rossiiskaya professura XVIII – nachala KhKh v. Biologicheskie i mediko-biologicheskie nauki. Biograficheskii slovar'. SPb., 2003.
- Volkov V.A., Chirikov E.P. Professiya i professionalizm kak predmet otechestvennykh i zarubezhnykh issledovaniy // Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya // 2011. T. 2. № 1. S. 32–42.

- Gatina Z.S., Vishlenkova E.A. Sistema nauchnoi attestatsii v meditsine (Rossiya, pervaya polovina XIX veka) // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. №1 (18), 2014. S. 177-178.
- Ivanov A.E. Uchenye stepeni v Rossiiskoi imperii: KhVIII v. – 1917 g. M., 1994.
- Il'ina K.A., Vishlenkova E.A. Arkhivarius: khranitel' i sozdatel' universitetskoj pamyati // Soslovie russkikh professorov. Sozdateli statusov i smyslov. M.: ID VShE, 2013. S. 353-354.
- Imperatorskii Moskovskii universitet: 1755–1917 / Sost. A.Yu. Andreev, D.A. Tsygankov. M.: ROSSPEN, 2010.
- Kazanskii universitet (1804–2004): biobibliograficheskii slovar' / Glav. red. G.N. Vul'fson. T. 1: 1804–1904. Kazan': izd-vo Kazansk. un-ta, 2002.
- Mansurov V.A., Yurchenko O.V. Professional'naya ideologiya al'truizma rossiiskikh vrachei // Vestnik Instituta sotsiologii. 2010. № 1. S. 397-410.
- Mikhnevich A.V. Pravovoe regulirovanie prisuzhdeniya meditsinskikh, farmatsevticheskikh i veterinarnykh uchenykh stepenei v Rossii (1747–1918): Diss. ...kand. yurid. nauk. Pyatigorsk, 2004.
- Ob ustroistve uchilishch, 24 yanvarya 1803 // Sbornik postanovlenii po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya. SPb., 1864. T. 1: Tsarstvovanie imperatora Aleksandra I: 1802–1825. № 6. Stb. 17–18.
- Pravitel'stvennye rasporyazheniya // Medikostatisticheskie izvestiya. 1843, yanvar'. S. 1.
- Preduvedomlenie // Voенно-meditsinskii zhurnal, izdavaemyi meditsinskim departamentom voennogo ministerstva. Ch. 1. № 1. 1823. S. VI.
- Professora Voенно-meditsinskoi (Mediko-khirurgicheskoi) akademii. 1798–1998. SPb., 1998.
- Romanov P.V., Yarskaya-Smirnova E.R. Tri tipa znaniya v sotsiologii professii // Sotsial'naya dinamika i transformatsiya professional'nykh grupp v sovremen-nom obshchestve / pod red. V.A. Mansurova. M.: Izd-vo Instituta sotsiologii RAN, 2007. S. 12-32.
- Rossiiskii meditsinskii spisok, po Vysochaishemu povelениyu izdavaemyi Meditsinskim departamentom MVD.. SPb: tip. MVD, 1810–1895.
- Ukaz 9 iyunya 1764 goda «O proizvodhenii kandidatov, obuchivshikhsya meditsine, v doktora sego fakul'teta, po sobstvennym Meditsinskoi kollegii ekzamenam // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobr-e 1. SPb., 1830. T. 16. S. 795.
- Ukaz 29 sentyabrya 1791 god «O predostavlenii Moskovskomu universitetu prava davat' doktorskuyu stepen' obuchivshimsya v onom vrachebnoi nauke» // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobr-e 1. SPb, 1830. T. 23, № 16988.
- Uchenye stepeni v rossiiskikh universitetakh // Universitet v Rossiiskoi imperii XVIII – pervoi poloviny XIX veka / Pod red. A.Yu. Andreeva i S.I. Posokhova. M., 2012. S. 326–388.
- Yakushev A.N. Organizatsionno-pravovoi analiz podgotovki nauchnykh kadrov i prisuzhdeniya uchenykh stepenei v universitetakh i akademiyaх Rossii: (1747–1918): Istoriya i opyt realizatsii: Diss... kand. yur. nauk. SPb., 1998.
- Khan'kov Ya.V. Oчерk istorii meditsinskoi politzii v Rossii. SPb: tip. MVD, 1851.
- Arney W.R. Power and Profession of Obstetrics. London, 1982; Sarah Nettleton. Power, Pain and Dentistry. Buckingham, 1992.
- Barber B. Some Problems in the Sociology of Professions // Daedalus. 1963. Vol. 92. P. 669-688.

- Becker H. The Nature of a Profession // Education for the Professions / ed. by National Society for the Study of Education. Chicago: University of Chicago Press, 1962.
- Hughes E. Professions // Daedalus. 1963. № 92 (4), 655-668.
- Goode W. J. Encroachment, Charlatanism and the Emerging Profession: Psychology, Sociology and Medicine // American Sociological Review. 1960. Vol. 25. P. 902-914.
- Greenwood E. Attributes of a Profession // Social Work. 1957. Vol. 2. P. 45-55.
- Harold L. Wilensky. The Professionalisation of Everyone? // American Journal of Sociology. 1964. Vol. 70. P. 137-58.
- Johnson T. Governmentality and the Institutionalization of Expertise // Johnson, Gerry Larkin and Mike Saks (Eds). Health Professions and the State in Europe. L., 1995.
- Renner A. Russische Autokratie und Europäische Medizin: Organisierter Wissenstransfer im 18. Jahrhundert (Medizin, Gesellschaft und Geschichte – Beihefte). Franz Steiner Verlag Wiesbaden, 2010.
- Saks M. Professions, Markets and Public Responsibility // Mike Dent, Maggie O'Neill, Carl Bagley (Eds.). Professions, New Public Management and the European Welfare State. Staffordshire, 1999.

Вишленкова Елена Анатольевна, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Поletaева НИУ Высшая школа экономики; evishlenkova@mail.ru

Reviewing as a means of self-regulation in the medical profession in Russia of 1830-1840s

The activity of an amorphous group of the medical bureaucrats was noticed by historians only in the 18th c. (A. Renner). In the second half of the 19th century two processes were recorded by scholars: the active involvement of the medical professionals into social control and the phenomenon of the medicalisation of the political discourse (L. Engelstein, D. Beer, M. Mogilner). Probably, the transformation of the medical estate into profession took place in the first half of the 19th century. This article explores one of the mechanisms of this process — the evaluation of the knowledge of the candidates to the rank of the staff doctor and the doctor of medicine. The birth and the evolution of the genre of the dissertation review, history of the convention concerning the scope and the nature of the knowledge of the doctor are traced on basis of testimonial cases from the Achieves of the Moscow and Kazan Universities. The author detects the forms of the bureaucracy's participation in these processes and it helps to establish how the regulatory agreement between state and profession elite was concluded, how new type of social state had been shape in Russia.

Keywords: Russian empire, University, academic degrees, health profession, history of science, history of knowledge.

Elena Vishlenkova, Dr.Sc. (History), Professor, Deputy Director, A. Poletaev Institute for Theoretical Historical Studies in the Humanities (IGITI), National Research University Higher School of Economics; evishlenkova@mail.ru